

В. Е. Макаров

СТАРООБРЯДЧЕСТВО, ЕГО СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ*

Не без смущения, гг., взошел я на это место, чтобы, по мере сил моих, осветить пред вами тот уголок русской жизни, который обычно принято называть старообрядчеством, уголок, для многих до сих пор темный и неведомый. До самых последних лет мы занимали исключительно — неблагоприятное и ненормальное положение — постоянных подсудимых. Должности и прокурора, и следователя, и истца, и свидетелей, и судей наших заключались в одном лице — наших многочисленных врагов, духовенства, миссионеров и т.д. Нам, подсудимым, был зажат рот и связаны руки, мы были лишены права пользоваться орудием печати, мы были лишены и тех мизерных прав, какие полагались прочим гражданам до 17 апреля и 17 октября 1905 года, при осужденном и народом и самой верховной властью самодержавно-бюрократическом режиме. Общество всегда слышало только обвинителей и не могло, по чудовищным цензурным условиям, слышать обвиняемого. Нас не спрашивали, когда судили-рядили и спорили о нас. Но так как в прогрессивной печати иногда все-таки проскальзывало сочувственное и более или менее беспристрастное слово о старообрядчестве, то обыкновенно простым административным распоряжением вопрос старообрядческий приказывали изъять из обсуждения печати. А между тем наши многочисленные враги не дремали, — они, пользуясь этим, говорили о нас, что угодно, а чаще всего прямо лили ушаты помоев на незащитное и многострадальное старообрядчество.

Да и сочувственное слово о нас, благодаря малому знакомству широкой публики с религиозными вопросами вообще и с старообрядчеством в частности, часто тоже было неточно или неверно. В силу всего этого, старообрядческий вопрос в существующей литературе, особенно официальной, освещен крайне односторонне, пристрастно и тенденциозно, и общество, благодаря этому, или совсем не знает настоящей физиономии старообрядчества, или имеет о нем совершенно превратное понятие. Армия наемных миссионеров казенного «православия» и полицейского благонравия, содержащая на последние гроши, жестоко выколачиваемые с нищаго, темного и невежественного мужика, гроши, которым нашлось бы, несомненно, лучшее и более продуктивное применение, а также кучка мнимо «ученых», недоучек и диллетантов, присосавшихся к казенному пирогу, поют в унисон, что старообрядцы незаконно и неправильно, не имея никаких разумных оснований, отделились от русской господствующей церкви и ее иерархии, что, как упорно ни занимайся этим вопросом, а основательных причин для раскола не было и нет. И с легкой руки подобных инсинуаторов многие до сих пор видят в старообрядчестве лишь проявление дикаго фанатизма, порождение тупоумия и невежества, узости, буквоедства и обрядовой нетерпимости.

Как произошло старообрядчество, что оно из себя представляет и какой имело и имеет смысл и значение? — Вот на эти вопросы я и хочу ответить.

То было, гг., в XVII столетии... Деспотическая церковная реформа патриарха Никона расколола до того времени единую православную русскую семью. Народ возстал против новопечатных книг и новых обрядов, против «любоначалия во властях», против гордой самоуверенности и «латынских нравов» духовных «владык», отождествляющих церковь с самими собою. Исконный страдалец-народ все мог стерпеть, со всем так или иначе мог примириться. Мирился он и с отнятием у него старинных

* Публичная лекция, прочитанная старообрядцем В. Е. Макаровым 20 января 1908 года в Москве, в помещении 1-го общества торговых служащих.

земских прав и вольностей, мирился он и с тяжелым монгольским игом, терпел он всякия невзгоды и произвол «власть имущих», до опричнины включительно, согнул он шею и под крепостным ярмом личной неволи. Но тем крепче он держался за свою веру, которая к тому времени оставалась единственной сферой его свободной мысли и деятельности, так как все остальное было «расписано по рангам», поглощено правительственной опекой и насилием.

Только в области веры народ мог еще чувствовать себя относительно свободным человеком, только здесь оставался он на своей почве, только здесь мог получить удовлетворение и нравственное вознаграждение за весь гнет, насилие и невыносимую тяжесть общественно-экономического строя, за все бедствия и удары судьбы.

За свою веру, эту свою последнюю собственность, последнюю святыню, оставленную отцами и дедами, народ готов был идти на смерть, отстаивать ее до последней капли крови, и поэтому отнять ее у народа — значило отнять его «душу». И когда народ увидел и помял, что у него хотят отнять его последнее достояние — его веру, хотят пленить его душу, поработить его совесть, попрасть и обесчестить все то, чем он еще жил и дышал и в чем он еще чувствовал себя хозяином,— его обычаи, предания, чаяния и надежды, он этого не стерпел и с этим никоим образом не мог помириться.

Это покушение на свою веру народ увидел в церковной «реформе» середины XVII столетия.

Неблагодарную роль исполнителя этой реформы, которая потрясла исторические судьбы русской церкви, реформы крайне неудачной, скороспелой и небрежной, неосмотрительной, необдуманной и мелочно-примитивной, реформы в которой и не было в то время особенной нужды, взял на себя патриарх Никон, человек хотя и способный, но узкий и недалекосудный, а к тому же крутой, честолюбивый и капризный до самодурства, человек, страдавший манией величия, способный идти «напролом», ни перед чем не останавливаясь, человек, в характере которого господствовали гордость, надменность, ненависть, злоба и почти зверская свирепость, заставлявшая трепетать не только его подчиненных, но и всех вообще окружавших его.

Понятно, что такой человек, как Никон, о котором, «грозя друг другу», говорили: «знаете ли, кто он, зверь ли лютый, лев, или медведь, или волк?»*, о котором даже собор 1667 года засвидетельствовал, что он все делал изступя ума, следовал не Спасителю, а сатане**, был даже хуже сатаны***, не мог в своих капризных притязаниях на роль «очистителя» церкви дорожить истиной, миром и благоденствием церкви, и от него невозможно было ожидать справедливости, беспристрастия, добросовестности и чего-либо добраго.

Поддавшись интригам, проделкам и влиянию ловких проходимцев и авантюристов из облатинившихся малорусских монахов и греков, воспитанников иезуитов, праздношатающихся милостыне-собирателей, людей с темным прошлым, низких, корыстолюбивых, готовых продаться кому угодно, на золотой телец променять все — и совесть, и веру, и убеждения, людей, которым выгодно было устроиться «при реформе», насеять в русской церкви смуты и вражды и явиться «учеными» вершителями ея судеб,— Никон принялся за свою реформу с фанатизмом, свойственным всем узким и недалеким людям, с сознанием своей неограниченной власти и своей непогрешимости, и, не знавший чувства меры, он не мог ограничиться необходимым и слишком перегнул дугу в другую сторону, чем, по словам своего современника и продолжателя его реформы, Паисия Лигарида, «вместо мира бросил нож в

* Ист. рус. Церкви, м. Макария, т. XII, стр. 215.

** Ист. изслед. Дела Никона, Гиббенета, прилож. к 2 ч., стр. 683 и 1051.

*** Ист. р. ц., Макар, т. XII, стр. 736.

Христову церковь»^{*}, а на чистое поле русского векового благочестия выкинул знамя раздора.

Ломая и коверкая древность, искажая, и умышленно и по небрежности церковно-богослужбные книги, чины и обряды, приводя их в согласие с современными себе греческими книгами, печатанными латинянами и протестантами в западных типографиях, прошедшими чрез руки и цензуру иезуитов,— Никон и его клеветы не могли не вызвать дружного и сильшого протеста со стороны русского православного глубоковерующаго народа, вставшего на защиту древних преданий и родной старины.

Тем более станет понятна и естественна та боязнь, та нервно-болезненная дрожь, тот неподдельный страх и ужас за чистоту и неповрежденность русского православия и благочестия, то сильное негодование и протест, которыми лучшая и большая часть народа встретила никоновскую бессмысленную и противную духовной свободе реформу,— если вспомнить, что первые же реформаторския попытки Никона и его сподвижников в деле реформы показали, что они не могут терпеть и даже слышать равнодушно никаких замечаний и протеста, никакого контроля над своими поступками со стороны тела церкви — народа, но требуют безусловнаго, рабскаго и слепого послушания себе.

А протест этот, как разумное проявление здраваго, сознательнаго отношения к вере и иерархии православных людей, как живых и деятельных членов живаго организма — церкви, был и исторически и канонически вполне правилен и законен.

В никоновской реформе христианский начала любви и свободы были подавлены латино-римскими, национальными особенностями не принимались во внимание,— она выражала собою презрение религиозной жизни русского народа со всеми ея чаяниями, заветами и преданиями и любовь ко всему чуждому, иноземному, особенно греческому. Ея вершители, состоявшие из чуждых русскому духу элементов, пропитанные безбожным папским «правом» и духом непогрешимости, не имели и не могли или не хотели иметь никакого понятия о характере и мировоззрении того народа, от котораго они властно требовали безусловнаго и слепого послушания себе. Религиозные мнителы не хотели понять народной души, муштровали народ по-своему, все хотели навязать ему внешними насилиями, все желали строить по своему произвольному плану, который не имел жизненных, разумных оснований, никак не вязался с думами, чувствами и стремлениями народными...

Народ ясно видел и понимал, что реформа — результат корыстных происков греков и каприза Никона.

На эту несправедливость, неестественность и внутреннюю ложь никоновских нововведений и стал он указывать, встав грудью на защиту добрых обычаев и порядков родной старины, воспитавшей его и вполне отвечавшей его духу и потребностям.

Первое решительное и открытое столкновение между защитниками старины и Никоном произошло вследствие следущаго распоряжения, которое, под влиянием греков-советников, Никон разослал по московским церквам пред наступлением Великаго поста 1653 года: «По преданию святых апостол и святых отец, не подобает в церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще и тремя персты бы есте крестились».

Такое неожиданное и притом единоличное, ничем не мотивированное распоряжение патриарха, покушавшееся изменить старый церковный чин и обряд, крайне смутило благочестивых людей, воспитанных в благоговейной преданности существующим церковным чинам и преданиям, тем более, что относительно крестнаго знаменія существовало категорическое и вполне ясное определение «стоглаваго собора»: «Иже не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят».

^{*} Богослов. Вестн., окт. 1892 г., отд. 2, стр. 55.

Распоряжение это поставило народ в тяжелое, двусмысленное положение: подчиниться распоряжению — значит подвергнуть себя клятве собора, на котором были иерархи, признанные русской церковью святыми; остаться верным соборному постановлению — значит послушаться грозного патриарха.— «Мы задумались,— говорит протопоп Аввакум,— сошед-шеся между собою, видим, яко зима хошет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Кружок ревнителей церкви из духовенства подает патриарху письменный протест против его распоряжения с выписками из отеческих книг.

Но начиная таким мирным, строго обдуманым путем свое дело, защитники старины ошиблись в расчетах.— На их протест не обратили никакого внимания.

В следующем 1654 году, желая показать вид, что он делает дело не самовольно, а с согласия всех епископов, Никон собирает собор и принуждает епископов подписать свое предложение об исправлении книг, при чем не обошлось и без обмана. Никон заявил, что книги будут правиться по древним греческим и славянским рукописям, тогда как на самом деле исправление было произведено по современным ему греческим книгам, печатанным иезуитами в Риме, Венеции и др. городах.

Начал было на соборе возражать относительно поклонов епископ Павел Коломенский, но тут же жестоко за это поплатился: Никон разразился над несчастным епископом страшною карою: низверг его, сорвал с него мантию, предал его жестокому телесному наказанию и сослал в заточение, где Павел впоследствии, по приказанию Никона, был убит, и тело его сожжено*.

В следующем 1655 г. «исправленный» служебник был уже напечатан.

Исправление книг продолжалось.

В чем же, собственно, состояло это исправление?

Профессор Е. Голубинский говорит: «Большеею частью дело понимается так, будто Никоново исправление богослужебных книг состояло в точном и настоящем воспроизведении древних греческих и славянских рукописей или было ничем иным, как этим точным воспроизведением. Такое понимание дела, основанное на ошибочном толковании недостаточно определенных слов предисловия к «служебнику», есть понимание совершенно неправильное, ибо представляемое в подобном виде исправление богослужебных книг было делом вовсе невозможным и было бы со стороны Никона делом лишенным смысла... Он захотел и предпринял исправить наши книги по современным книгам греческим, дабы привести нас относительно их в полное согласие с современными себе греками... Если Никон переменял взгляд на позднейших греков и начал смотреть на них, как на неизменно и неповрежденно сохраняющих чистоту православия древних греков, то из этого само собою и необходимо следовало, что мы должны быть в согласии относительно богослужения с этими последними греками, ибо иначе — признавать чистоту православия позднейших греков и не хотеть того, чтобы быть в согласии с ними относительно богослужения, было бы нелепостью, логическим *contradictio in adjecto*. Но и, наконец, приступая к исправлению книг, что провозглашал Никон на соборе 1654 года в своих известных «возглашениях», как не то, что желает привести русскую церковь относительно обрядов и богослужения к согласию и единению с современною церковью греческой?.. Первоисправленный Никоном «служебник» и все последующие новые «служебники» вплоть до настоящего не составляют каких-нибудь книг секретных, относительно которых была бы невозможна проверка. Эта проверка документальным образом и доказывает, что Никон исправил служебник не по древним рукописям греческим и славянским, а по современному себе печатному греческому эвхологию и по современному живому чину греческой церкви. В библиотеке московской синодальной типографии до на-

* Ист. р. ц. Мак., т. XII, стр. 145 и 146.

стоящего времени сохраняется экземпляр греческого печатного эвхология, с которого... был правлен служебник 1655 года... Никон предпринял свое исправление книг с тою целью, чтобы относительно их привести русскую церковь в полное согласие с современною церковью греческою; а если так, то уже вовсе не может быть разумеемо исправления книг по древним рукописям греческим и славянским»^{*}.

Находящееся в моем распоряжении время, гг., не позволяет мне подробно остановиться на вопросе о технической стороне этого quasi-исправления. Вы сами поймете, велики ли были достоинства этого исправления, если я укажу вам только на один факт: При сравнении текста литургий: старопечатного, исправленного Никоном и греческого, которое сделано было по предложению Платона, архиепископа рижского, потом митрополита киевского, в 80-х годах XIX столетия, оказалось: из 340 параграфов — 230 указывают на погрешности служебника исправленного, и только 30 — на погрешности старопечатного, 45 — на общия обоим служебникам. Рассмотрены были литургии Иоанна Златоустаго и Василия Великаго.

В самый разгар никоновского книжного исправления и борьбы из-за него, в том же 1655 году, прибыли в Москву сербский патриарх Гавриил и антиохийский Макарий, которые и помогли Никону в его «реформировании» церкви.

«В 1656 году, 12 февраля,— говорит историк м. Макарий,— в день памяти святого Мелетия Антиохийскаго, а вместе и святителя московскаго Алексия, в Чудовом монастыре совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали сам царь со всем своим синклитом, патриархи с другими архиереями и множество народа. Когда в положенное по уставу время прочитано было из Пролога, в поучение православному, известное сказание о святом Мелетии Антиохийском..., тогда Никон во всеуслышание спросил патриарха Макария, как понимать это сказание? И Макарий возгласил: «Мужие всего православия, слышите: аз преемник и наследник святаго Мелетия престолу, вам известно, яко сей святыи Мелетий три первыя персты различены показа друг от друга, от них же и знамения не бысть; тыя же паки три соедини, ими же и знамение показа. И аще кто сими тремя персты на лице своем образ креста не изобразует, но имать творити, два последния соединяя с великим пальцем да два великосредния простерта имети, и тем образ креста изображати, таковой арменоподражатель есть...»

Прошло еще двенадцать дней; настала неделя Православия (24 февраля). Собрались в Успенский собор на торжество все находившиеся в Москве архиереи с знатнейшим духовенством, царь со всем своим синклитом и безчисленное множество народа.

«В то время, когда начался обряд православия, и церковь, ублажая своих верных чад, изрекала проклятие сопротивным, два патриарха, антиохийский Макарий и сербский Гавриил, и митрополит никейский Григорий стали пред царем и его синклитом, пред всем освященным собором и народом, и Макарий, сложив три первые великие перста во образ святыя Троицы и показывая их, воскликнул: «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христианину подобает изображати на лице своем крестное изображение; а иже кто по феодоритову писанию и ложному преданию творит, той проклят есть». То же проклятие повторили вслед за Макарием сербский патриарх Гавриил и никейский митрополит Григорий... И можно представить, как должна была подействовать эта анафема на православных, произнесенная в самое торжество православия.

В начале апреля прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон. И в Москве, вместо трех, было уже четыре восточных святителя. Никон решил обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев,

^{*} «Богослов. Вестн.», 1892 г. II, стр. 303, 307—310.

и указывая на то, что в Москве «неции воздвизают прю» относительно сложения перстов для крестнаго знаменья, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял (?) этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься»^{*}.

Макарий и другие приезжие с востока архиереи на вопрос Никона дали следующий знаменательный ответ: «Предание прияхом с начала веры от святых апостол и святых отец и святых седми соборов творити знамение честнаго креста с тремя первыми персты десныя руки, и кто от православных христиан не творит крест тако, по преданию восточныя церкви, еже держа с начала веры даже доднесь, есть еретик и подражатель арменов и сего ради имама его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята: и за извещение истины подписах своею рукою: Макарий милостию Божию патриарх великаго Божия града Антиохии и всего востока. Гавриил Божию милостию архиепископ пеккский и патриарх сербский. Вышереченная тако исповедаю, и тако свидетельствую, и тако держу. И аще кто не верует, и вышереченная не держит, да будет проклят, того ради руку приложих. Смиранный митрополит никейский Григорий пречестный (sic!) и экзарх всея Вифинии, вышеписанная тако исповедаю, тако проповедаю и тако держу, и кто не держит тако, да имать клятвы святых трехсот и ось-минадесяти богоносных отец, в Никеи собравшихся (?!), и прочих святых соборов и да будет проклят, и за извещение истины подписал своею рукою. Гедеон Божию милостию архиепископ и митрополит сучавский и всея земли молдавския, вышереченная тако исповедаю, и тако свидетельствую, и тако держу, и аще кто не верует и вышереченная не держит, да будет проклят, того ради руку приложих»^{**}.

«Это ответное послание четырех святителей,— говорит историк м. Макарий,— вместе со своим посланием к ним Никон немедленно велел напечатать, и поместить в качестве приложения к книге «Скрижаль».

«Когда, таким образом,— продолжает м. Макарий,— восточные патриархи, находившиеся в Москве, изрекли свой приговор на крестящихся двумя перстами, не только устно, в неделю Православия, но и письменно, Никон счел благовременным созвать на собор своих русских архиереев, чтобы и они постановили решение по тому же вопросу. Собор состоялся 23 апреля 1656 года... Присутствовали на соборе, кроме патриарха, три митрополита, четыре архиепископа, один епископ, двадцать два архимандрита, семь игуменов, один строитель и один наместник. Никон открыл заседания собора довольно обширною речью. Сказав сначала, как зазирали и поносили его приходившие в Москву восточные святители за разный неисправности в церковных книгах и обрядах, в том числе и за употребление двоеперстия в крестном знамении, как приступил он к исправлению книг, Никон объявил, что он уже исправил некоторыя церковныя книги, а вместе с тем велел перевести и напечатать с нужными приложениями и книгу «Скрижаль», представляемую им теперь на рассмотрение собора. В особенности обратил Никон внимание отцов собора в своей речи на учение о двуперстии и объяснял, что соединением, по феодоритову писанию, великаго перста с двумя малыми неправо исповедуется таинство Пресвятыя Троицы, а совокуплением двух перстов, указательнаго и средняго, неправо исповедуется таинство воплощения; напомнил..., как изрекли в неделю Православия проклятие на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и как то же проклятие повторили они, вместе с молдавским митрополитом, в своем письменном ответе, и предложил собору русских святителей и духовенства сказать свое слово о том же предмете. Присутствовавшие на соборе занялись сначала свидетельствованием книги «Скрижали», «соборне чтоша ее во многи дни, с великим прилежанием всяку вещь и всяко слово со опаством разсуждающе», и обрели ее не только «безпорочну», но и достойну вся-

^{*} Истор. Русск. Церк., Макария, т. 12., стр. 188—191.

^{**} Скрижаль, изд. 1656 г., нечислен. Листы, между стр. 755 и 756; Ист. Русск. Церк., Макария, т. 12, стр. 191; «Патр. Ник.», Быкова, стр. 51.

кой похвалы и удивления, и много благодарили Бога за такое безценное (!?) сокровище. Затем, обсудив, что сказано о крестном знамении в трех статьях, помещенных в приложении к «Скрижали»..., собор постановил следующее правило: «Аще кто отселе, ведый, не повинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле святая восточная церковь прияла есть (!?)..., еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образ святых и единосущных и неразделимых и равнопоклоняемых Троицы, но имать творити сие неприятное церкви, еже соединя два малыя персты с великим пальцем, в них же неравенство святых Троицы извещается (!?), и два великосредняя простерта сущи, и них же заключати два сына и два состава, по несториеве ереси (sic!), или инако изображати крест: сего имама... всячески отлучена от церкви, вкупе и с писанием феодоритовым... проклинаем и мы». Это правило свое, равно как и всю книгу «Скрижаль» с приложениями, все находившиеся на соборе скрепили своими подписями 2 июня 1656 года.

Тем временем исправление книг облатинившимися греками продолжалось, несмотря ни на какие протесты и недовольство народное. Русские благочестивые люди теперь уже не «задумывались», а прямо ужасались, смотря на происходившее кругом них нечто такое, с чем никак не мог мириться ни ум, ни совесть верующаго человека. Они теперь ощутительно почуяли, что «зима», в виде деспотизма, насилия жестокой свирепости, лжи, обмана и безумных клятв, сыплющихся как из рога изобилия на головы православнаго народа, действительно наступала, и «зима» суровая.

«Как было им не подумать,— говорит проф. Каптерев,— что эти пришельцы (греки, приближенные Никона) с очень темным и сомнительным прошлым, не твердые в православии, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всем, лишь бы только им хорошо платили за их службу,— что эти пришельцы, ломая русскую церковную старину, решаю у нас разные церковные вопросы, тем самым не исправляли будто бы затемнившееся православие русской церкви, а только искажали его? Как русским было не признать глубокаго унижения своей церкви и всего русскаго в том обстоятельстве, что на святой Руси всеми церковными делами орудует и управляет выходец из Турции (Паисий Лигарид), запрещенный архиерей-авантюрист, лишенный своим патриархом кафедры и сана и даже не признаваемый самими восточными патриархами за православнаго? Как русским было не заволноваться при виде того, что русския церковно-богослужебныя книги, будто бы не во всем строго-православныя, вследствие допущенных в них искажений, исправляются человеком, который с детства был воспитан и соvrащен в униатство иезуитами, а потом принимал мусульманство, а затем делался опять то православным, то униатом, который и в то время, как «возстановлял» истинно-православный характер русских церковных богослужебных книг, сам находился, однако, под началом «для исправления его христианския православныя веры»?!..*»

Ясно, что при таком положении дела русским православным людям, которых безрассудно проклинали за одно двуперстие, проклинали только за то, что они хотели сохранить верность унаследованным от благочестивых предков преданиям, неизменность которых была ограждена клятвою свв. отцов и соборов, ничего не оставалось делать, как отделиться от таких пастырей, которые, по словам пророка, «пасли себя, а не народ», которые высказывали такие перлы «красноречия», «правдивости», «велемудрия» и «благоразумия», в роде вышеприведенных. Таким образом, образовалось два враждебных стана.

«На одной стороне,— по словам проф. Милокова,— стоял Никон, вооруженный авторитетом восточных патриархов и своим собственным, а также и той веревкой, или просто кулаком, которыми, по его собственному признанию, он «смирлял иногда

* Характ. Отош. России и правосл. вост., Каптерева, стр. 219—220.

по-малу в церкви» своих подчиненных, и которые в его употреблении сильно напоминают знаменитую дубинку Петра Великого. На другой стороне стояла вся огромная масса ревнителей русского благочестия, приученная авторитетом церкви верить в непогрешимость этого благочестия и в русскую всемирную задачу — сохранить его неприкосновенность до второго пришествия. Что должна была делать теперь вся эта масса? Ей осталось теперь одно — приложить к русской официальной церкви ту же теорию, какую она прилагала к римской, греческой и малороссийской. Так, положила руку на сердце, готовое громко исповедывать свою веру среди Москвы, отделялось русское народное благочестие от официального... Все, что было в России религиозного, все это или перешло открыто на сторону народной веры или ей втайне сочувствовало. На стороне господствующей церкви остались в огромном большинстве или равнодушные к вере или способные пожертвовать верой для житейских выгод по слабости или расчету»*.

Этот народный протест был встречен страшными репрессиями и жестокостями со стороны высшей духовной власти и правительства. Все выдающийся лица, не согласные одобрить новизны, были похвачены и разсажены по тюрьмам или угнаны в далекую ссылку. Начались гонения, началась страшная и ужасная в истории русского народа полоса, испещренная языками пламени, обрызганная слезами и кровью мучеников и страдальцев за веру.

И хотя сам Никон вскоре затем должен был удалиться от дел и даже был потом низложен и осужден, но дело его, натворившее столько бед в русской церкви, московское правительство решило продолжать.

Собор 1666 года 7 мая «соорудил» книгу «Жезл», нечто в роде апологии нововведений, в которой (л. 62) двуперстное крестное знамение называет «душевердным учением» и говорит: «Подобает убо, о право-славнии людие, последовати древнему всея церкви обычаю, апостольскому преданию, всех православных народов согласию, еже есть тремя первыми персты крестное творити изображение: а противне упорно мудрствующих предаем анафеме».

Мая в 13 день 1667 года собор с участием трех патриархов в Москве постановил: «Во имени великаго Бога... соборне заповедуем всем и повелеваем покарятися. во всем без всякаго сумнения и прекословия святой восточней и апостольстей церкви Христове... (именно): аллилуйя во уреченных местех глаголати трижды... знамение креста творити на себе тремя первыми персты по древнему преданию святых апостол и святых отец... Молитву Иисусову глаголати сице: Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, в церковном пении и во общем собрании, а наедине якоже кто хошет. Просфоры печатати печатаю креста четвероконечнаго... Благословляти народ сложивши... два перста, яже знаменаета ІС... и три персты ХС... Аще ли же кто Ііе послушает повелеваемых от нас и не покорится святой восточней церкви и сему освященному собору и начнет прекословити и противлятися нам, и мы такового противника, данную нам властию от все-святаго и животворящаго Духа... отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго всесочленения и стада и от церкви Божия отсекаем, яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще ли кто... пребудет во упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и не прощен, и часть его и душа его со Иудою предателем и с распятыми Христа жидовы и со Арием и с прочими проклятыми еретиками. Железо, камение и дресеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и не разрушен и яко тимпан во веки веков, аминь. Сие соборное наше узаконение и изречение подписахом и утвердихом... в вечное утверждение и присное воспоминание»!..

* Введ. В русск. Ист., — лекц., чит. на истор.-филол. Факульт., вып. 2, стр. 63, 67, 134.

Тот же собор еще раз подтвердил: «Кто отныне начнет прекословити о изложенных винах на соборе сем великом от святейших вселенских патриарх, яже исправиша и узаконоположиша о аллилуйи и о кресте и о прочих винах, яже писаны суть в соборном изложении настоящего сего собора... и в книзе Правления Жезл; да будет по апостолу Павлу, в правду самоосужден и наследник клятве сего собора, писанной в соборном деянии его, яко преслушник Божий и святых отец правилом противник».

Но этого мало. Одобрив реформу Никона и осыпав клятвами православных христиан, держащихся старых обрядов, правящие верхи русской церкви того времени, в лице собора 1666 года, придали санкцию начавшимся гонениям и мучениям, постановив наказывать сторонников старины «не только церковным наказанием, но и царским, сиречь градским законом и казнением».

А в наказе к архимандритам, игуменам, протопопам и старостам поповским собор объявил следующее: «Аще кто не послушает хотя в едином чесом повелеваемых от нас или начнет прекословити, и вы на таковых возвещайте нам, и мы таковых накажем духовно, аще же и духовное наказание наше начнут презирати, и мы таковым приложим и телесная озлобления»^{*}.

И вот с благословения духовнаго собора начались неслыханно-жестокия и суровые расправы, и кровь полилась рекой. Началась, по словам современников, буквально «псовая охота на христиан». «Времена Диоклетиана настали! Нероновы свещники из христианской плоти возжигают на Болоте, освещения ради тьмы кремлевския»,— говорил народ.

Страшно вспоминать, гг., о том жестоком и мрачном времени.

Духовное и гражданское правительство на приверженность к старине и нежелание принять новизны, введенныя никоновской реформой, отвечало многочисленными ссылками и ужасными казнями. Все первые защитники древности умерли на плахе, сгорели в срубях, исчахли, замурованные в сырые земляныя тюрьмы, казематы и монастыри. Бесчисленные и беспощадныя казни, утонченныя и мучительныя пытки идут длинным, непрерывным рядом.

Староверов «пытали и жгли огнем на-крепко», секли плетью и били батогами «нещадно», рвали ноздри, вырезывали языки, уши, рубили головы на плахе, ломали клещами ребра, зарывали по шею живых в землю, кидали в клетки и, завалив там соломою, сожигали, обливали голых водою и замораживали, выматывали жилы, вешали, сажали на кол, четвертовали... Словом все, что только могло изобрести человеческое зверство для устрашения, паники и террора,— говорит А. С. Пругавин,— все было пущено в ход.

Народ пришел в ужас от таких мер; он объявил антихристовыми слугами духовную и гражданскую власть, которая «упивались кровью праведных», любясь тем, как вздымались клубы дыма от пылающих на Руси костров, на которых жарились невинные страдальцы за веру, как везде красовались виселицы и плахи, *ad maiorem Dei gloriam*, обгаренные потоками кропи защитников старины.

Народ думали запугать казнями, но довели до того, что он сам начал сожигаться целыми тысячами. Не имевшие возможности бежать или укрыться, при появлении «наезда гонителей с оружием и пушками, боящиеся их мучительства, сами сожигаются»,— говорит современнейший дееписатель.

Таким путем погибли десятки тысяч невинных жертв, рассуждая вполне логично, что лучше разом покончить все расчеты с жизнью, чем лишиться ее от рук напавшей воинской команды, после бесчеловечных пыток и истязаний, может быть, даже отрекшись поневоле от своих убеждений.

Талантливый и стойкий борец за старину протопоп Аввакум писал по поводу го-

^{*} Соб. Деян. 1666 г., последн. л.

нений: «Чудо! Как-то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? Не знаю! Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Татарский бог Маомеф написал в своих книгах сице: «Не покоряющимся нашему преданию и закону, повелеваем главы их мечем подклонити»...

Возражали против гонения и другие борцы за старую веру, доказывая и в многочисленных «челобитных» и в разных сочинениях, например в «Дьяконовых», а также «Поморских» ответах, несовместимость с христианским учением и с достоинством церкви гонений за веру и отстаивая принцип свободы в делах совести, дающий возможность «каждой вере самой проявить плод евангельской добродетели».

Но разве могли такие речи остановить духовных «владык», пропитанных духом непогрешимости, считавших, что «церковь — это они»? — Преследования усиливались.

«Всюду мучительства меч обagriша кровию неповинною, новых старообрядцев видяшеся всюду плач, вопль и стонание, вся темницы во градах и селех наполнишася древняго держащихся благочестия. Везде чепи брячаху, везде тряски и хомуты никонову учению служажу: везде бичи и жезлие в крови исповеднической повседневно омочахуся. Проповедницы ни-коновых новин яростию и гневом и мучительством вместо кроткаго духа дыжаху: битием и ранами, а не благодатию Христовою увещаваху: лукавством и коварством злобным, а не апостольским смирением к вере своей привождаху, и от таковаго насилуваннаго лютаго мучительства облияхуся вся грады кровию, утопаху в слезах села и веси, покрывахуся в плачи и в стенании пустыни и дебри...

Толицы мученицы страдаху... Толицы исповедницы скончевахуся. Ови мечем усекаеми, ови огнем сожигаеми, инии, инако скончеваеми»*.

Так описывает современник той ужасной эпохи гонения па старую веру.

В застенках, где производились пытки над державшимися старины, «предстоят учителя немые, вместо евангелия кнутом и вместо апостола огнем просвещающе», — говорит другой современный бытописатель.

Так насаждалась на Руси новая вера мнимыми наместниками Христа, не знавшими других средств борьбы, кроме виселицы, костра, плахи, ссылки в каторгу, конфискации имущества и т.д.

Предав проклятию и применив к злейшим ересям древния церковныя предания, эти инквизиторы и палачи новыя книги никоновской редакции везде вводили насильно, а старыя отбирали и сожигали, при чем за утайку секли кнутом «нешадно», священников, которые осмеливались совершать богослужение по старым служебникам, лишали сана, били плетью и батогами, увечили и запирали в земляныя тюрьмы до конца жизни, ссылали (в монастыри, на цепь и т. под.; такой же казни подвергали просфорниц, державших печатать просфоры старой печатью с восьмиконечным крестом**).

Следующая характерная сценка из «прений о вере» в Москве в Грановитой палате в 1682 году показывает, что кары сыпались даже не на упорных и страстных борцов за старину, не на «церковных бунтовщиков», как их окрестили архиереи-тираны, а на простых смертных, желавших при полном подчинении архиереям сохранить старые обряды, с которыми они свыклись. На вопрос Саввы Романова: «Кая ересь и хули и сем, еже двема персты креститися, божество и человечество исповедовати, и в молитве Сына Божия глаголати? За сие чесо ради мучити и в срубях жещи?» — патриарх Иоаким отвечал: «Мы за крест и молитву не мучим и не жжем, но за то, яко

* Ист. выг. Пустыни, И. Филиппова, стр. V, VI.

** Отнош. русск. церк. Власти к расколу, Синайского, ч. 1, стр. 59, 241—243. Указ Питирима, митр. новгор., архим. тихв. мон. Ионе от 18 мар. 7176 г.

нас еретиками называют и святей церкви не повинуются, сожигаем». То же подтвердил и Питирим, епископ нижегородский. Тогда Савва сказал: «Правду ли глаголеши, яко за крестное знамение и за молитву не мучите? То чесо ради, егда приведут перед вас коего христианина, и в первых словесех истязуете его, како крестится и како молитву творит. И аще отвещает оный: крещуся и молитву глаголю по-старому, якоже святая церковь прияла от святых богоносных отец,— и вы за то того часа велите его мучити, и в тюрьму вринете на смерть. И ныне у тебя в Нижнем Новгороде сидят три человека за крест и молитву в яме, которая ископана глубиною саженей десять, под башнею Иванскою. По твоему же приказу, приходил к ним поп Евфимий Мироносицкой, и извед их из ямы, вопрошивал, повинуются ли церкви во всем и архиерею? Они же, приемше от него благословение, отвещаша: во всем повинуемся и волю вашу без прекословия будем творити, точию увольте нам крестное знамение и молитву по-старому имети, и оной поп тебе возвестил: ты же паки повелел в ту же яму бросити»*.

Правительство чувствовало, что оно бессильно, со всем своим арсеналом физического воздействия, покорить народную душу. И эта удивительная стойкость и живучесть народного протеста во имя старой веры еще более раздражала его, как и все оригинальное, все, что не подходило под его мерку, не соответствовало его вкусам и намерениям, вдохновляемым и благословляемым духовными правителями. А к тому же в борьбе за сохранение старой веры правительство, как водится, усмотрело «крамолу», «бунт», «политический элемент».

Правительство напрягало все силы к уничтожению приверженцев старины. Одного огульного обвинения и осуждения было для него уже недостаточно и оно озабочилось составлением подробных правил для розыскания и наказания «раскольников». Преследования дошли до *pes plus ultra*.

В постановлениях соборов, начиная с 1681 года и кончая 1685 годом, обращенных в государственные закон и опубликованных в форме царских указов, установлены были следующий драконовския, крайне жестокия даже для того времени, меры: «Раскольников, которые хулят святую церковь, производят в народе соблазн и мятеж и остаются упорными по трикратному у казни допросу, буде не покорятся, жечь в срубе. Если же у казни покорятся святой церкви, отсылать в монастыри под строгий надзор и по окончании испытания молодых и неженатых не выпускать из монастыря до конца жизни, чтобы они снова не увлеклись в раскол: а женатых отпускать на поруки, и когда окажется, что они снова предались расколу, казнить тою же смертию. Тех, которые перекрещивали взрослых и детей, называя прежнее их крещение неправым, казнить смертию. Тех, кто перекрещивал других, хотя бы он и покорился церкви, после исповеди и причастия казнить тою же смертию без всякаго милосердия. Тех, которые перекрещивались со своими детьми, если раскаются, бить кнутом и отсылать для исправления к местным архиереям, а если останутся упорными, казнить смертию. Обличенных в укрывательстве у себя раскольников, и доставлении им пищи, питья и т.п., если сознаются, одних, судя по вине, бить кнутом и батогами, а других ссылат в дальние города. Кто держит раскольников с порукою, не зная об их расколе, с тех брать пени».

«У раскольников, у которых объявятца дворы и поместья, и вотчины, и лавки, и иныя промыслы, и заводы, а так же и по расколыщиках порутчиков, которые ручались ведая и сосланы будут (за свою поруку) в ссылки, и те их поместья и вотчины и дворы и лавки и промыслы и заводы отписывать на себя Великих Государей и продавать по оценке с большей наддачей для того, что по таким сыскным делам на прогоны и посыльным людям в жалованье их Государские денежные казны исходит не малое число» и т.д.**

* Челобитная Саввы Романова, изд. Кожанчикова, стр. 99, 107—108.

** Новые материалы для истории старообрядства, Барсова, стр. 25 и дал. П.С.З., т. II, 1102.

Комментарии к этим правилам, кажется, излишни: в каждом из них есть то казнь, то огнесожжение, то заключение, то ссылка, то кнут, то конфискация имущества, при чем не щадятся и те, которые «раскаются», «покорятся церкви», и даже те, кто хоть сколько-нибудь сочувствует староверам, «Разыскивать» и «доносить» на «раскольников» должны были решительно все, под угрозой лишения должности или смертной казни: и духовенство, и военные, и гражданские чины, и каждый гражданин.

«Виноград Российский» — этот старообрядческий мартиролог, написанный современниками той эпохи и наполненный кровью, томлениями, застенками, пытками, плахами, огнесожжением, виселицами и прочими казнями, дает до того сильную и яркую картину того страшного времени, что по прочтении вас давит тяжелый и ужасный кошмар от сочетания призраков смерти с клещами, трясками, дыбами, хомутами и живыми кострами,— сочетания, пред которым бледнеют ужасы мрачного средневековья и утонченной испанской инквизиции.

Но когда вообразишь, что могло получиться от применения на практике свирепых законов 1681—1685 годов, то краски автора «Винограда» — Семена Денисова кажутся совсем слабыми для изображения этой глубоко-трагической эпохи в религиозной жизни русского народа.

Вся история этой эпохи состоит из непрерывной бойни, сплошных казней, ссылок, сожжения в срубках и на кострах, пожизненного заточения в сырых подвалах и подземельях, из виселиц, плах, «дыбы», вырывания ноздрей, «урезания» языка и ушей, зарывания живых в землю, наказания батогами и кнутом, сажания на цепь в монастырских казематах и т.п. Даже на Петра I — этого крутого и сурового деспота, человека с каменным сердцем и железным характером, спокойно смотревшего на истязания на «дыбы» и многочисленный пытки в застенках «преображенского приказа», казнившего, не дрогнув, собственноручно целые десятки стрельцов и проч. и даже своего родного сына,— даже на него ужасы тогдашнего «градского закона» не могли не произвести самого убийственного впечатления, и он говорил сам о себе, что от «мысли о (казни) бунтовавших стрельцов... все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу»^{*}.

Мы уже видели, что сигнал всему этому дал собор 1666 года, который постановил предавать «раскольников» не только церковным наказаниям, но наказывать и «царским, сиречь градским законом и казнением».

Этой же политики держались и все его последователи, лишь привнеся в нее еще больше иезуитизма. Так, Питирим епископ нижегородский, ренегат старообрядчества, отличавшийся свирепыми репрессиями против хранителей старины при Петре I, самоуверенно заявлял в «Пращице»: «Аще в ветхозаветной церкви непокорных повелено убивать, кольми паче в новой благодати подобает наказанию и смерти предавати непокоряющихся восточной церкви. Понеже тамо сень, zde же благодать (sic!): тамо образы, zde же истина: тамо агнец, zde же Христос: тамо манна и вода из камени, zde же тело Христово и кровь из ребр Его истекшая, и прочая таковая, оных древних превосходящая. Не точию убо древле, но и в новой благодати, непокоряющихся и преслушателей святыя церкви, повелевает нам Христос Спаситель имети их яко язычников и мытарей. У Матфея бо, в главе VII, глаголет Христос: аще кто церкви не послушает, буди тебе яко язычник и мытарь: еретики же и раскольщики не суть сынове церкви, но сущий преслушницы, убо достойни суть преданы быти к наказанию гражданского суда».

Необходимо заметить, что книга «Пращица» издана была много раз с благословения высшего органа господствующей церкви — Синода, и поэтому антихристианское учение Питирима о казни еретиков и непокорников теряет характер личного

^{*} Царица Екатерина Алексеевна, М. И. Семевского, изд. 1884 г., С.-Пб., стр. 15—16.

мнения, обращаясь во взгляд всей церкви. Другой современник Петра I — митрополит Стефан Яворский, местоблюститель патриаршества и первый «президент» Синода, в своей книге «Камень Веры», также изданной много раз с благословения Синода, говорит по тому же вопросу не менее определенно: «Златоуст святыи с прочиими татей и разбойников толкует быти еретиков... Но что творит суд татем и разбойникам?.. Не убивает ли тыя?.. Таково и еретикам творити достоинство... Иного на еретиков врачевания несть паче смерти»...

В одном из «доношений» Петру, перечисляя и рекомендуя ему многообразные способы «смирять раскольников», Питирим заявляет: «А мы под тесноту штрафов и окладов писанием удобнее к церкви присоединяти будем», дабы, по его словам, «не дать им знаку, что он их гонит».

В составленной на основании этого «доношения» собственноручной инструкции Петра I, между прочим, говорилось: «Вожаков и учителей раскольнических, буде возможно явную вину сыскав кроме раскола, с показанием и вырезав ноздри, ссылатъ на галеры, и буде нет причины явной, то чинить с ними по словесному указу».

Чтобы вы могли, гг., судить о том, каков был вообще в то ужасное время характер «градскаго закона и казнения», я процитирую очень немногим известный документ XVIII столетия, извлеченный из дел «Тайной канцелярии», под названием: «Обряд, како обвиненный пытается».

Этот крайне интересный документ гласит:

«Для пытки приличившихся злодействах, зделано особливое место, называемое застенком, огорожен полисадником и покрыт для того, что при пытках бывают судьи и секретарь, и для записки пыточных речей подъежей; и, в силу указа 742 году, велено, записав пыточные речи, крепить судьям невыходя из застенка.

«Взастенке же для пытки зделана дыба, состоящая втрех столбах, некоторых два вкопаны в землю, а третьей сверху, поперег.

«И когда назначено будет для пытки время, то кат или палач явится должен взастенок с своими инструментами, а оные есть: хомут шерстяной, хкотоому пришита веревка долгая; кнутъ, и ремень, которым пытанному ноги связывают.

«По приходе судей в застенок и по разсуждении в чем подлежащаго к пытке спрашивать должно, приводитца тот, котораго пытать надлежит, и от караульнаго отдаецца палачу; которой (веревку) долую перекинет через попережной в дыбе столб и взяв подлежащаго к пытке, руки назад заворотит, и положи их вхомут чрез представленных для того людей встягивается, дабы пытаной на земле не стоял. У котораго руки и выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет показанным выше ремнем ноги, и привязывает к зделанному нарочно впереди дыбы к столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет.

«Естьли-ж ис подлежащих к пытке такой случитца, которой изобличается во многом злодействе, а он запирается, и по делу обстоятельства доказывают его к подозрению, то для изыскания истины употребляются нарочно:

«1-е тиски зделанныя из железа в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большой два из рук, а внизу ножныя два; и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать.

«2-е наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит.

«3-е при пытке, во время таково-ж запырательства и для изыскания истины, пытанному, когда висит на дыбе, кладут между ног на ремень, которым они связаны, бревно и на оное палач становится за тем, чтоб на виске потянуть ево, дабы более

истязания чувствовал. Есть ли же и потому истины показывать не будет, снимая пытанного з дыбы правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и чрез то боли бывает больше.

«Хотя по законам положено только три раза пытаться, но когда случится — пытанной на второй или на третьей пытке речи переменит, то еще трижды пытаются.

«И есть ли переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляют до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, ибо сколком раз пытан ни был, а естьли и чем-нибудь разнить в показаниях будет, то в утверждение должен еще три пытки вытерпеть; а потом и огонь таким образом: палачь, отвязав привязанные ноги от столба, висячего на дыбе растянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляют веников три или больше, смотря по обстоятельству пытанного.

«Когда пытки окончатся и пытаной подлежать будет по винам ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри зделанными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежат смертной казни, то и таковых, в силу указов, до будущего о действительной казни определения, велено ссылать на каторгу ж, а при посылке также; ноздри вырезаются. И сверх того особливими присланными стемпелями на лбу и на щеках кладутся знаки (:вор:) в тех же стемпелях набиты железный острый спицы словами и ими палачь бьет в лоб и щоки, и натирает порохом, и от того слова видны бывают»*.

Вы поражены, гг., вам не хочется верить, что все это было, одно представление в вашем воображении этих ужасов человеческого зверства вас коробит, выворачивает вашу душу! А между тем все это было наяву, практиковалось в жизни в самых широких размерах и больше целого столетия. И главным объектом для применения таких свирепых законов и судебных порядков были люди старой веры. А что всего чудовищнее, так это то, что в любой момент кто угодно, сказав: «слово и дело!», мог лютого человека притащить в застенки на «дыбу».

Отсюда становится вполне понятным то страшное и почти небывалое в истории человечества явление, когда терроризированная народная масса стронулась с насиженного места, бросила все, в ужасе бежала во все стороны, кто куда мог,— в леса, в непроходимый места, па глухия окраины и в чужия страны, зарывалась и землю и сожигалась целыми сотнями и даже тысячами, лишь бы не попасть в руки «антихриста» и его «щишей»,— «учителей неправедных и немилостивых» и «владык жестоких».

И невольно восхищаешься удивительной стойкостью, нравственной доблестью и безпримерным самоотвержением этих борцов за великое и священное человеческое право — верить по совести и молиться по велениям своего сердца, поддаешься неотразимому и глубокому очарованию этими людьми, так сурово жившими, так много ждавшими в вечности от своей тернистой, страдальческой, но яркой жизни, протекавшей без единого луча радостной надежды на возможность или близость торжества своего дела, и веришь, что их великую заслугу, запечатленную кровью мученичества, и обаятельные имена никогда не забудет история, воздающая должное всему высокому, честному и благородному.

В тяжелой и неравной борьбе пали обаятельные образы великаго богатыря-протопопа Аввакума, боярыни Морозовой и княгини Урусовой, дьякона Федора и целыя тысячи прочих, заметных и незаметных, героев духа и борцов за старину, крепких верою, живых, ревностных и деятельных; пала и Соловецкая обитель, после многолетняго «сидения», с ея доблестными защитниками; но не пала их вера в свое дело, и эта вера «сдвинула горы». Несмотря на ужасы кровавой инквизиции, несмотря на виселицы, костры, эшафоты, застенки, «дыбу» и пытки, дело их не погибло, но разрослось, окрепло и ныне завоевывает права гражданства.

* «Слово и дело», М. И. Семевского, изд. 3-е. 1885 г., С.-Пб., стр. 7—9.

И прав был, гг., протопоп Аввакум, когда писал о мучениках, сожигаемых на кострах: «Из каждой золинки их, из пепла, аки из золы феникса, израстут миллионы верующих».— Его пророчество сбылось.

К старообрядчеству ныне принадлежат миллионы русского народа, и оно имело в русской истории огромное значение. Лишенное в родной стране всех прав на существование, претерпевая все ужасы жестоких гонений, отдавая себя в жертву безпощадных и неумолимых гонителей, влача самую тяжелую и несносную жизнь, старообрядчество до настоящего времени сохранило в себе всю силу внутренней духовной жизни, которая и составляет сущность христианской церкви, независимой от мирской власти. Оно выше всего ценило веления своей совести, правоту своих верований и независимость церковного духа. Идя на плаху или костер, оно отстаивало принцип свободы веры и совести, оно спасало ее от опеки правительственной власти. Два с половиной столетия страшных гонений пережило старообрядчество, но изменить самому себе оно не могло; превратить свою церковь, эту совокупность живых верующих душ в бездушный придаток к государственной машине старообрядчество считало хуже смерти, ужаснее всяких пыток и мучений. Христос и верующия, свободно, по совести, идущия к нему души,— вот тот идеал церкви Божией, который старообрядчество ревниво оберегало от посягательства гражданских и чуждых ему духовных властей.— «Кесарево — кесарю, а Божие — Богу»,— вот принцип, на котором всегда были построены отношения старообрядчества к государственной власти.

Кажущийся теперь новым принцип отделения церкви от государства вовсе не так нов. Еще протопоп Аввакум спрашивает: «В коих правилах писано — царю церковью владеть и догмат изменять, святая кадить?» И тут же обличает и Никона, который стремился «святительство» поставить выше «царства», тогда как церковь должна заботиться только о спасении душ.

Находясь все время в преследовании правительством, будучи предоставлено лишь самому себе, старообрядчество, в силу этих исторических условий, являлось во внутренней своей жизни совершенно свободным и независимым от влияния и мертвящей опеки государственной власти. Живя вне закона, не признанное им, старообрядчество показывало и показывает собою светлый образец того, что прочность всякому обществу дают не столько писанные законы, сколько его сущность, внутренняя сила и духовная связь.

Несомненная историческая заслуга и значение старообрядчества заключается в том, что оно через 2½ столетия гонений с достоинством пронесло свое знамя, давая собою яркий пример здоровых и нормальных отношений между церковью и государством, и отстояло своей грудью от иноземного натиска все, что было здорового, светлого и жизнеспособного в национальной русской старине.

Кровавая полоса в истории старообрядчества тянулась слишком 100 лет, до 60-х годов XVIII столетия, т.е. до царствования Петра III и Екатерины II. Но с этого времени начинается отмена прежних жестоких гонений, не достигших намеченной правительством цели, что внесло некоторые облегчения в жизнь староверов. Но свободы веры правительство все-таки не дало. Оно смотрело как бы сквозь пальцы на исполнение их духовных потребностей, но открытаго «оказательства раскола» попрежнему не допускало.

Объясняются такие уступки старообрядчеству тем, что правительство в это время обратило большее, чем прежде, внимание на внутреннюю экономическую жизнь государства и, между прочим, решило заселить богатая, но пустынные окраины: Новороссию и низовое Заволжье. Начали для этой цели приглашать иностранных колонистов, предоставляя им значительные льготы. Вспомнили в это время и о старообрядцах, коренных русских людях, свирепыми гонениями разогнанных с родины и за-

гнанных в чужия земли, и решили их рабочую силу, трудолюбие и терпение использовать на окраинах России.

В 1762 году был обнародован указ о свободном возвращении «беглецов» на родину, в котором объявлялась «амнистия» по всем прежним делам. Затем последовали и другие указы и распоряжения о льготах. Старообрядцы вздохнули легче.

Кроме экономических причин, вызвавших эти льготы и послабления, имели в этом вопросе значение и политические причины. В то время проникли в Россию новые веяния с Запада, где под влиянием цивилизации давно уже прекратились гонения на веру и совесть. А затем разразилась великая французская революция, слабые отголоски которой доходили и до нас. Перепуганные европейские правительства спешили делать народам уступки.

Екатерина II и образованное русское общество того времени находились под влиянием новых веяний и грозных политических событий. Крестьянский бунт под предводительством Емельяна Пугачева, который в своих манифестах «жаловал» народ не только землю, но и «крестом и бороною», т.е. свободой старой веры, также не мог не повлиять в этом вопросе на Екатерину II. Всем этим отчасти и объясняются льготы старообрядцам и некоторые другие реформы того времени. Но все эти льготы не были основаны на точном праве и законе, а зависели от усмотрения власти. И поэтому, попрежнему, особенно в провинции, царил произвол, взяточничество властей по отношению к старообрядцам и т.под.

Такое время сравнительно сноснаго положения, с незначительными отклонениями то в сторону репрессий, то послаблений, продолжалось до тридцатых годов XIX столетия — времени расцвета николаевского режима, с его идеалом «палки». В царствование Николая I, когда забыты были все помыслы о реформах и царила неудержимая реакция, все льготы старообрядцам пошли на смарку. Воскресли прежние драконовские законы и гонения, за исключением лишь плахи, петли и костра; — старообрядцы снова лишены были всех прав гражданства, почти окончательно были лишены священства и возможности совершать боогослужение. У них отнимались или закрывались храмы, отбирались книги, утварь и т.д. Был даже случай зарытия в землю живых, забитых до полусмерти староверов. Бог знает, до чего бы дошли эти гонения, если бы неудачная крымская кампания не заставила правительство сделать поворот во внутренней политике в сторону реформ. Намечены были опять, хотя и очень слабая, льготы старообрядчеству. В 1874 году был издан новый, хотя и неудовлетворительный, закон о старообрядческих браках, а в 1883 году закон об общем положении старообрядчества в государстве и его религиозных правах. Но и этот закон, и без того очень несовершенный, в период наступившей, с призыванием к власти Победоносцева, реакции был сведен почти на-нет.

В 1900-х годах при министре Сипягине было покушение отнять у старообрядцев и те мизерные права, которыми они пользовались по закону 3 мая 1883 года, но вследствие обращения старообрядцев с коллективной петицией на имя Государя Императора, за подписью около 50,000 человек, эта мера была приостановлена.

Когда неудача на Дальнем Востоке заставила опять взглянуть на устройство лучших порядков в государстве, был издан указ 17 апреля 1905 года о веротерпимости, отменивший прежние стеснения и ограничения прав за веру. Были бюрократический попытки «разъяснить» и урезать этот указ, но безрезультатны.

17 октября 1905 года был издан Высочайший манифест об установлении нового государственного строя, о призывании к делу управления народных представителей, о свободе совести и прочих политических свободах. С этого времени старообрядцам разрешено было то, что не разрешалось даже и после указа 17 апреля 1905 года, например архиерейския служения па Рогожском кладбище и т.под.

17 октября 1906 года был издан временный закон о старообрядческих общинах,

хотя и не совсем удовлетворительный, но все же дающий старообрядцам некоторый новый права.

Закон этот был внесен правительством на уважение 2-ой Государственной Думы; в нее же были переданы, уполномоченными 3 чрезвычайного всероссийского съезда старообрядцев в Москве 15—17 мая 1907 года, и желательныя для старообрядцев поправки и изменения. Но она не успела этот закон рассмотреть.

Ныне он вновь внесен в 3-ю Государственную Думу, которая, вероятно, удовлетворит справедливыя желанія старообрядцев, и закон выйдет из нея в более или менее благоприятном виде.

Эта краткая экскурсія в область законодательства о старообрядчестве и отноше- ний к нему правительства учит нас, старообрядцев, одному: что наше дело есть толь- ко часть всенароднаго общерусскаго дела, что нам давали льготы тогда, когда давали их всему народу, и отнимали их, когда начиналась реакция, и что, следовательно, мы получим надежныя гарантии твердости и незыблемости своих религиозных прав только тогда, когда их получит весь русский народ.

Героический период нашей истории окончился. Наступила новая эра — нашего приобщения к благам просвещения и общечеловеческой культуры, пора серой и кро- потливой будничной работы по укреплению и развитию того дорогого наследія от древней русской церкви, твердость котораго запечатлена кровью наших предков. Эта малозаметная работа, правильно поведенная, несомненно, даст со временем блестя- щие результаты, и горе нам будет, если мы не выдержим своего экзамена, не выпол- ним, или выполним дурно возлагаемую на нас моментом задачу,— нам будет укором память о наших предках, нас осудит неумолимый и неподкупный судия — история.

